

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.4.2>

Белоглазов Роман Николаевич, Осиповский Семен Николаевич

Административное и идеологическое воздействие органов власти на религиозные общины Севастополя (середина 1920-х - 1930-е гг.)

В статье впервые в отечественной историографии исследуется развитие советской политики по отношению к религиозным общинам Севастополя в середине 1920-х - 1930-е гг. в контексте ее главных направлений: административного и идеологического. Установлено, что в период НЭП предпринимались попытки организовать идеологическую антирелигиозную работу, имевшую в целом низкую эффективность. После свертывания НЭП произошло усиление административно-репрессивного давления на верующих и духовенство, что привело в течение 1930-х гг. к ликвидации организационной структуры всех конфессий на региональном уровне.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/4/2.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 4. С. 16-23. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Отечественная история

National History

УДК 94(470)"192/193"

Дата поступления рукописи: 12.03.2020

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.4.2>

В статье впервые в отечественной историографии исследуется развитие советской политики по отношению к религиозным общинам Севастополя в середине 1920-х – 1930-е гг. в контексте ее главных направлений: административного и идеологического. Установлено, что в период НЭП предпринимались попытки организовать идеологическую антирелигиозную работу, имевшую в целом низкую эффективность. После свертывания НЭП произошло усиление административно-репрессивного давления на верующих и духовенство, что привело в течение 1930-х гг. к ликвидации организационной структуры всех конфессий на региональном уровне.

Ключевые слова и фразы: Севастополь; антирелигиозная агитация и пропаганда; религиозные общины; коллективизация; раскулачивание.

Белоглазов Роман Николаевич, к. ист. н.

Осиповский Семен Николаевич, к. полит. н., доц.

Севастопольский государственный университет

belovr73@mail.ru; simosip@gmail.com

Административное и идеологическое воздействие органов власти на религиозные общины Севастополя (середина 1920-х – 1930-е гг.)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и правительства г. Севастополя, проект «История взаимоотношений религиозных общин и органов государственной власти в Севастополе (1783-2017 гг.)» № 18-49-920003.

Эффективность и правовой характер государственного регулирования деятельности религиозных организаций имеет особое значение для сохранения гражданского согласия и социально-политической стабильности. В связи с этим исследования по данной тематике остаются **актуальными** и имеют **практическую значимость**, так как позволяют учесть исторический опыт для решения соответствующих управленческих задач современности и исправления административно-политических ошибок, допущенных в прошлом. В этом плане большой интерес представляет период 1920-1930-х гг., в течение которого сформировалась концепция, разрабатывались основные формы и методы советской конфессиональной политики, проводившейся в таком виде с определенными изменениями до конца 1980-х гг.

В современной исторической литературе уделялось достаточно большое внимание анализу государственно-конфессиональных отношений в Крымской АССР в 1920-1930-е годы, о чем свидетельствуют соответствующие публикации [2-6; 16; 17; 23; 28], подготовленные преимущественно на основе документов Государственного архива Республики Крым. Региональный аспект этой темы применительно к Севастополю рассматривался в ряде работ локального характера, посвященных отдельным конфессиональным общинам [7; 26; 27]. Анализ историографии проблемы позволил сделать вывод о том, что обобщающие труды, посвященные севастопольскому региону, практически отсутствуют, а период 1920-1930-х гг. остается одним из малоизученных [22, с. 216].

В связи с этим **научная новизна** данной статьи заключается в том, что в ней впервые предпринята попытка исследовать главные аспекты государственно-конфессиональных отношений в Севастополе в указанных хронологических рамках на основе анализа не вводившихся ранее в оборот документальных источников, хранящихся в двух региональных (Государственный архив Республики Крым, Государственное казенное учреждение Архив города Севастополя) и одном федеральном архиве (Государственный архив Российской Федерации).

Цель статьи – изучить приоритеты советской конфессиональной политики 1920-1930-х гг., результатом которой стало уничтожение организационной структуры религиозных общин на территории севастопольского региона. Этому должны способствовать постановка и решение исследовательских **задач** по определению и анализу основных направлений реализации соответствующего политического курса и характеристике на основе статистических данных процесса последовательной ликвидации конфессиональных организаций.

Советское правительство с первых месяцев своей деятельности декларировало необходимость проведения секуляризации, ориентируясь на аналогичные практики в европейских буржуазных государствах. Однако программные установки правящей партии большевиков предписывали также искоренение религии в процессе строительства социализма и формирование нового общества в идеологическом отношении на основе материализма и атеизма. В связи с этим нормативно-правовая база по религиозному вопросу изначально разрабатывалась в сторону дискриминации конфессиональных организаций. В частности, основополагающий законодательный акт «Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января 1918 г. (далее – «Декрет об отделении...») лишил их прав юридического лица и провозгласил конфискацию собственности.

Государственное строительство на территории Крыма стало развиваться систематически и планомерно только после завершения длительного периода преодоления последствий Гражданской войны, связанных с подавлением последних очагов антисоветского сопротивления, решением острых социально-экономических проблем и вопросов по созданию Крымской АССР. Как и в других регионах России, все полномочия по проведению в жизнь законодательства о религиозных организациях были сконцентрированы в системе органов исполнительной власти. В частности, на местах эти вопросы находились в компетенции столов религиозных культов при районных исполкомах, подчинявшихся Центральному административному управлению (далее – ЦАУ Крыма) при КрымЦИКе (высший орган власти в республике на период между съездами советов).

В первой половине 1920-х гг. в дополнение и развитие «Декрета об отделении...» были приняты многочисленные инструкции и распоряжения, которыми должны были руководствоваться местные властные структуры. Согласно действовавшей нормативной базе, конфессиональные общины могли создавать только два вида религиозных организаций. Во-первых, это группы верующих не менее 20 человек («двадцатки»), которые оформляли договоры аренды с районными исполкомами на использование культовых зданий и другой необходимой собственности. Во-вторых, религиозные общества не менее 50 человек, выступавшие также как арендаторы храмов, но имевшие полномочия расширить свою деятельность на управление несколькими приходами. Благодаря этому появлялась возможность легализовать традиционные органы конфессионального самоуправления (епархиальные управления, муфтиаты и т.д.). При этом регистрация этих обществ и надзор за ними были переданы в органы милиции.

По данным исполкома Севастопольского района (создан в 1923 г. в составе городов Балаклава, Севастополь и около 200 населенных пунктов (поселки, хутора), численность населения около 84 000 человек) [20, с. 111-112], в 1925 г. на территории региона числилось на учете 78 культовых зданий (33 в городе и 45 в сельской местности), 60 групп верующих (соответственно – 24 и 36), 56 религиозных обществ (соответственно – 24 и 32). По вероисповедной принадлежности приходы распределялись следующим образом: 24 православных (12 в городе и 12 в сельской местности), 25 мусульманских (соответственно – 1 и 24), 1 лютеранский, 1 католический, 4 иудейских, 1 армяно-григорианский, 1 караимский, 1 адвентистский, 1 евангелический, 1 баптистский [9, д. 366, л. 11].

В 1923-1925 гг. в Крыму в целом сформировалась административная вертикаль по контролю над деятельностью религиозных организаций, которые оказались в полной зависимости от структур исполнительной власти, милиции и спецслужб, что было составной частью общероссийских тенденций и процессов. На этом фоне в условиях начала реализации Новой экономической политики (далее – НЭП) партийно-государственное руководство посчитало целесообразным временно отказаться от жесткого административно-репрессивного давления на религиозные конфессии и приступить к подрыву их влияния на население при помощи средств агитации и пропаганды.

Начало проведению антикультовой идеологической работы в Крымской АССР было положено в 1922 г. во время реализации кампании по изъятию церковных ценностей, которая в информационной плоскости сопровождалась резкой критикой в адрес церкви и служителей культа. После ее завершения в республике стали возникать кружки, ячейки, уголки при клубах, комсомольских организациях соответствующей направленности.

В ноябре 1924 г. агитационно-пропагандистская коллегия Крымского областного комитета РКП(б) (далее – Крымский ОК РКП(б) / ВКП(б)) приняла постановление о создании общества «Безбожник», на которое возлагалось руководство антирелигиозными идеологическими мероприятиями в республике. Курировать организацию должны были комиссии, созданные при агитационно-пропагандистских отделах (далее – АПО) областного и районных комитетов партии [10, д. 353, л. 42, 47]. Концептуально основной акцент был сделан на необходимости отхода от резких выпадов, направленных против религии и духовенства, и начала длительной систематической работы по популяризации знаний естественных наук, которая должна была постепенно трансформировать сознание масс в сторону атеизма.

В специальном циркуляре по антирелигиозной работе для сельских советов Севастопольский райком партии сформулировал следующие установки: *«Поскольку вопрос идет о свободе совести, то ни в коем случае недопустима борьба с религиозными предрассудками мерами административного порядка, как например, высылить постановление о закрытии всех церквей... оскорблять чувства верующих, смеяться публично среди верующих над их святынями и за их принадлежность к той или иной вере и т.п.»*

Ликвидация религиозных предрассудков может быть достигнута только длительной агитационно-пропагандистской работой. Пропаганда же в деревне должна быть исключительно материалистического объяснения: влияние природы, общественной жизни, с которой сталкивается хлебороб, разъяснение происхождения дождя, града, засухи, действия удобрения почвы и т.п.» [12, д. 1442, л. 12].

Ставка на отделения общества «Безбожник» (с апреля 1925 г. Союз безбожников) как организационные и методические центры по проведению атеистической работы оказалась несостоятельной. У региональных

парторганизаций не оказалось ни ресурсов, ни кадров, чтобы создать адекватную структуру, способную выполнять поставленные задачи. Единственным субъектом, который энергично проявил себя на этом поприще, стали комсомольские активисты, уровню понимания проблемы которых соответствовали только формы вульгарной атеистической пропаганды и антикультовые акции, направленные конкретно против верующих и духовенства.

Уже в первой половине 1920-х гг. религиозным конфессиям Крыма фактически была объявлена информационно-идеологическая война, которая проводилась brutальными примитивными методами. В одной из инструкций для местных парторганизаций Крымский ОК РКП(б) был вынужден констатировать следующую особенность: *«Наличие в антирелигиозных мероприятиях сатиры, переходящей в открытое глумление над религией»* [11, д. 22, л. 56]. Свой заметный вклад в создание подобного формата идеологического воздействия на верующих и духовенство также вносила региональная периодическая печать, о чем говорили сами названия замечательных по соответствующей тематике, размещенных в главной республиканской газете «Красный Крым» и других изданиях: *«Как попы дурачат народ»*, *«Обнаглевший поп»*, *«Попы и их делишки»*, *«Поп вымогает»* и т.д.

Одним из главных направлений антирелигиозной работы в республике стало проведение антикультовых мероприятий в дни Пасхи и Рождества Христова, организаторами которых были комсомольские активисты, провоцировавшие столкновения с верующими и священнослужителями, позволяя себе хулиганские выходки. Неслучайно в январе 1925 г. Крымский ОК РКП(б) был вынужден разослать районным комитетам партии специальный циркуляр, в котором потребовал пресечь *«случаи неправильного подхода и неправильных методов антирелигиозной пропаганды, задевающих религиозные чувства верующих»* [10, д. 367, л. 17].

Аналогичные указания разрабатывали местные органы власти. К примеру, Севастопольский районный исполком издал в мае 1925 г. специальный циркуляр для органов правопорядка, осудив в нем эксцессы, ставшие повседневным явлением в городе: *«В целях пресечения наблюдающегося в последнее время случаев хулиганства, как то: бросание камней, зажигание пороха и пр. случаев хулиганства в оградах церквей и внутри храмов и других местах общественного пользования, зачастую направленных против обществ верующих и служителей религиозных культов, а также разрушений и хищений церковного имущества, являющегося государственным достоянием горрайисполком постановляет...*

2. Милиции принять решительные меры к исправлению указанных явлений» [19].

Однако, осуждая грубые антикультовые акции, действия кощунственного мелко-уголовного характера, партийное руководство продолжало требовать усиления проведения соответствующего идеологического воздействия на население, фактически иницируя и провоцируя продолжение все той же порочной практики. В частности, в одной из инструкций Крымский ОК РКП(б) отмечал: *«Признавая необходимым глубокою продуманность, научность и осторожность в вопросах антирелигиозной пропаганды, мы ни в коем случае не можем уменьшить, а тем более совсем отказаться от этой работы»* [11, д. 418, л. 269].

Действия молодежи против религии вызывали у верующих озлобление, фанатизм и враждебное отношение к советской власти в целом. Антикультовые мероприятия способствовали созданию ореола мученичества над духовенством, росту сектантского движения. Это был тревожный для власти симптом, уровень религиозности среди всех национальных сообществ Крыма продолжал оставаться высоким.

Примитивный по форме и содержанию характер антирелигиозной идеологической работы в Крыму не был исключением среди других регионов СССР. Высшее партийное руководство стало проявлять беспокойство в связи с неудовлетворительным положением дел в данной области. Так, в октябре 1927 г. АПО ЦК ВКП(б) выпустил специальный циркуляр, в котором подверг критике отсутствие должного внимания к этому направлению со стороны партийных комитетов и призвал *«покончить с примиренческим отношением к религии»* [1, с. 128].

В феврале 1928 г. состоялся пленум Крымского ОК ВКП(б), который отнес участок по антирелигиозной работе к числу первоочередных, наиболее трудных и важных, потребовал включить в организацию и проведение соответствующей пропаганды культурно-просветительские и хозяйственные учреждения, а также усилить репрессии против духовенства за нарушение законодательства о религиозных организациях [18]. Выполняя эти установки, районные комитеты партии попытались принять меры по расширению численности ячеек Союза безбожников, подготовке кадров агитаторов, организации для них семинаров и съездов, привлечению к этому процессу интеллигенции, обеспечению культурно-просветительских учреждений необходимой литературой.

В начале 1928 г. с целью активизации соответствующей работы Севастопольский райком ВКП(б) направил письмо в партийные ячейки с методическими указаниями, а также организовал расширенное совещание с представителями крупных городских партийных и комсомольских организаций, Политпросвета, врачей и учителей. Для подготовки руководителей и актива антирелигиозных кружков при АПО райкома партии начал функционировать семинар, где обучалось около 30 человек, представлявших различные учреждения, клубы и предприятия. Произошло организационное оформление ячеек Союза безбожников при Морском заводе (70 человек), конвойной роте (25 человек), почте (22 человека), клубе кустарей (17 человек) [10, д. 807, л. 44].

В январе 1929 г. ЦК ВКП(б) направил на места письмо *«О мерах по усилению антирелигиозной работы»*, в котором подводились итоги борьбы с религией, определялись цели и задачи государственных, партийных и общественно-политических организаций по решению этого вопроса на дальнейшую перспективу. В документе говорилось, что духовенство и его активные сторонники среди верующих изменили формы и методы противодействия советской власти, пытаясь приспособиться к новым социально-политическим условиям. Это утверждение соответствовало официальной теории об обострении классовой борьбы по мере строительства социализма в СССР, что позволяло партийным идеологам определить конфессиональные общины как *«единственные легально действующие контрреволюционные организации, имеющие влияние на массы»* [21].

Партийное руководство Крымской АССР неуклонно следовало установкам и директивам центра. 25 марта 1929 г. на заседании секретариата Крымского ОК ВКП(б) для координации антирелигиозной работы в республике была создана специальная комиссия, в которую вошли по одному члену от АПО Крымского ОК ВКП(б), Крымского совета профессиональных союзов, ЦАУ Крыма и ГПУ Крыма [10, д. 863б, л. 69]. Формирование данной негласной структуры в составе представителей высшей партийной и государственной власти, спецслужб и профсоюзов было одной из составляющих создания необходимых организационно-управленческих условий для начала нового этапа наступления государства на религиозные конфессии.

20 мая 1929 г. секретариат Крымского ОК ВКП(б) принял очередное постановление об усилении антирелигиозной работы в республике. Однако, несмотря на существовавшие директивы и распоряжения, райкомы партии, государственные учреждения и профсоюзы практически проигнорировали их выполнение. Большинство региональных партийных организаций не руководили работой ячеек Союза безбожников (в июне 1929 г. переименован в Союз воинствующих безбожников (далее – СВБ)), игнорировали указания об их создании, объясняя это существованием других общественных организаций.

Подводя итоги проделанной работы за 1929 г., председатель Крымского СВБ К. Берковский констатировал: «...лишенные всякой поддержки и общей и материальной райсоветы СВБ на местах не имеют ни средств, ни штатных работников, ни помещений, ни кадров общественных работников. При таком положении естественно нет возможности вести плановую антирелигиозную работу» [Там же, д. 906, л. 35].

Попытка органов власти создать массовую антирелигиозную организацию в Крыму на рубеже 1920-1930-х гг. не привела к действенным результатам, что обуславливалось отсутствием материальных ресурсов, недостатком специалистов по атеистической пропаганде, низким образовательным уровнем партийных активистов. Антирелигиозная идеологическая работа на полуострове ни по содержанию, ни по формам и методам проведения не соответствовала поставленным первоначально целям и задачам, не могла оказать существенного влияния на религиозное сознание населения. На этом фоне единственными эффективными средствами борьбы с религией оставались командно-административные и репрессивные методы.

Применительно к Севастопольскому району вопрос о перманентном административном давлении на профессиональные общины имел большую актуальность, чем для любой другой административно-территориальной единицы Крымской АССР. В городе, который был главной базой Черноморского флота, местные властные структуры стремились наиболее жестко бороться с «социально чуждыми элементами» в лице служителей культа. Так, в июле 1927 г. в рамках выполнения специального распоряжения из региона была осуществлена частичная высылка духовенства общей численностью 44 человека [8, д. 502, л. 275].

8 апреля 1929 г. Президиум ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановление «О религиозных объединениях», которое обобщало и детализировало существовавшую нормативно-правовую базу по этому вопросу. Данная мера была направлена на унификацию законодательства и правоприменительной практики в масштабах РСФСР, что преследовало цель усилить контроль над религиозными конфессиями, сфера деятельности которых по-прежнему ограничивалась отправлением культа в пределах молитвенного здания.

Ужесточение государственной конфессиональной политики было вызвано сложившейся общественно-политической обстановкой. Проведение сплошной коллективизации сельского хозяйства и свертывание НЭП потребовало окончательного искоренения «религиозных предрассудков» среди крестьянства, которые рассматривались как последняя идеологическая форма сопротивления социалистическим реформам в деревне.

Начало кардинальных социально-экономических преобразований в сельской местности, реализация первого пятилетнего плана развития народного хозяйства вызвали изменения в работе всех партийных, государственных и хозяйственных структур страны. В Крымской АССР также произошли организационные изменения в аппарате власти и управления: ЦАУ Крыма было ликвидировано, а его функции переданы в республиканский Народный комиссариат внутренних дел (далее – КрымНКВД). Столы религиозных культов при районных исполкомах после этой реформы перешли в его подчинение.

Коллективизация в Крыму, как и в других регионах страны, сопровождалась многочисленными закрытиями культовых зданий на основании постановлений митингов, собраний трудовых коллективов и населения, общественных организаций, которые инспирировали властные структуры. При этом с политической точки зрения считалось желательным, чтобы верующие декларировали добровольный отказ арендовать церковь, мечеть или молитвенный дом. Однако на практике исполкомы и сельсоветы нередко поднимали вопрос о ликвидации храмов, не интересуясь мнением их прихожан. Например, начальник стола религиозных культов Севастопольского районного исполкома Быков был вынужден констатировать, что многочисленные ходатайства в сельской местности в 1929 г. о закрытии мечетей были инициированы советскими активистами и коммунистами и не отражали мнения крымско-татарского крестьянства [Там же, л. 254-259].

Кампания по раскулачиванию сопровождалась эксцессами против духовенства и административным произволом по отношению к религиозным общинам. Так, во время выселения в ночное время в деревне Уппа арестованного как кулака 1 категории муллы А. Люмана у него изъяли около 400 книг, большинство из которых было религиозного содержания. После этого члены бригады по раскулачиванию сложили их во дворе, облили керосином и подожгли [14, д. 234, л. 19, 41]. В деревне Комары сельсовет и партийная ячейка постановили закрыть и опечатать местную церковь, куда перестали пускать верующих. Уппинский сельсовет, действуя аналогичным образом, закрыл мечеть и угрожал ее прихожанам исключением из колхоза [8, д. 502, л. 259].

Всего за 1929 г. в Крыму было закрыто 74 культовых зданий разных конфессий [12, д. 1627, л. 8]. Однако в этой работе было много нарушений действовавших нормативных актов, что давало возможность верующим опротестовывать такие решения местных властей, обращаясь с жалобами в КрымНКВД и КрымЦИК. Эти структуры были вынуждены, хотя бы формально, реагировать на такие обращения, пытаясь сохранить

внешний декорум законности. Чтобы закрепить достигнутый результат, органы государственной власти стремились сломить волю верующих к сопротивлению путем окончательной ликвидации религиозных организаций. Для этого был использован разнообразный арсенал средств.

Характерным явлением для конца 1920-х гг. стало усиление налогового давления на духовенство. В 1929 г. Народный комиссариат финансов Крыма перевел священнослужителей из категории кустарей в категорию торговцев, что привело к резкому повышению ставки налога. Подобная роль отводилась также Госстраху, увеличившему тарифные ставки на страхование культовых зданий в городах в 3-4 раза, а в сельской местности – в 5 раз [Там же, д. 1747, л. 504]. Это создавало дополнительные материальные трудности для групп верующих и стало одной из причин их отказа от аренды культовых зданий.

В середине 1929 г. в Крыму развернулась пропагандистская кампания с целью конфискации церковных колоколов и передачи их для нужд индустриализации. Райкомы ВКП(б) и районные советы СВБ инспирировали требования населения о запрете колокольного звона и снятии колоколов. Только в Севастополе к январю 1930 г. было собрано 90 таких постановлений митингов и собраний горожан, рабочих, служащих, учащихся и военнослужащих [8, д. 502, л. 131-132].

25 февраля 1930 г. КрымЦИК принял специальное постановление по этому вопросу: *«Предоставить райисполкомам и горсоветам права выносить постановления и осуществлять снятие колоколов с церквей для передачи их на нужды индустриализации страны при наличии соответствующих решений трудящихся масс на местах и общественных организаций. Наблюдение возложить на НКВД Крыма»* [Там же, л. 303].

К концу 1929 г. властные органы констатировали, что в Крыму окончательно остановлен численный рост религиозных организаций. Наиболее сильный удар по ним был нанесен в январе-феврале 1930 г., когда кампания по раскулачиванию на полуострове достигла своего апогея. К 1 марта 1930 г. в Крымской АССР было раскулачено 2682 хозяйства. Только в Симферопольском районе к середине февраля для раскулаченных создали 4 концентрационных лагеря на 6000 человек [10, д. 1015, л. 105].

Вследствие массовых арестов и высылки зажиточных крестьян и активных прихожан положение религиозных организаций стало катастрофическим. В некоторых группах верующих осталось по несколько человек. Миряне, опасаясь репрессий, прекращали посещать храмы. В связи с этим резко ухудшилось материальное положение приходов. Члены церковных советов («двадцаток») стали выступать за закрытие своих культовых зданий. Так, крестьяне деревни Кадыковка Севастопольского района в ноябре 1929 г. приняли решение о том, что церковь им не нужна. Местный священник был вынужден постричься и уехать за пределы Крыма в поисках нового рода занятий [8, д. 502, л. 254].

Инструкция НКВД РСФСР «О правах и обязанностях религиозных организаций» от 1 октября 1929 г. предписывала всем группам верующих и религиозным обществам пройти перерегистрацию с 1 декабря 1929 г. по 1 мая 1930 г. Подлинная суть этой акции была изложена в секретном циркуляре КрымНКВД «О предстоящей перерегистрации религиозных объединений» от 4 декабря 1929 г., в котором говорилось: *«Предстоящая... перерегистрация религиозных объединений представляет по существу мероприятие не формальное, а сугубо политическое, имеющее в виду поставить религиозные объединения в рамки действующего законодательства. Но попутно с этим, в процессе перерегистрации и особенно в конце, не минуемо усиление закрытия культовых зданий»* [Там же, д. 139, л. 190].

Содержание процессов, проходивших в профессиональной сфере города под давлением инспирированных властями кампаний по раскулачиванию, конфискации колоколов, репрессий против духовенства и активных верующих, «выступлений» населения с требованиями закрыть культовые здания, характеризует ситуация, которая сложилась в конкретных церковных приходах и храмах Севастополя.

В начале 1930 г. в церкви Вознесения Христова на Северной стороне в составе группы верующих арендаторов («двадцатки») оставалось всего 5 человек, и настоятель храма не мог найти новых членов, что было обязательным условием для прохождения процедуры перерегистрации. Прихожане справедливо опасались возможных репрессий, а также не могли выплатить задолженности по страховым взносам, которые составляли 400 рублей [Там же, л. 254-255].

В церковном приходе деревни Комары во время кампании по раскулачиванию было арестовано и выслано за пределы Крыма 5 членов «двадцатки», после чего ее состав был восполнен за счет жителей других деревень. Однако после подачи заявления на перерегистрацию часть прихожан заявили об отказе участвовать в активе религиозной общины и нести связанные с этим обязанности. Атмосфера страха, вызванная репрессиями, деморализовала верующих, что приводило к ожидаемому со стороны органов власти организационному распаду приходов. В результате 19 февраля 1930 г. настоятель и псаломщик храма обратились с заявлением в районный исполком о том, что не станут проходить перерегистрацию, так как церковь посещали не более 5-7 человек. Похожим образом складывалась ситуация в поселке Корань, где церковь находилась на стадии ликвидации после вынесения местными жителями решения о ее закрытии [Там же].

В самой Балаклаве до кампании по перерегистрации храмов оставались действовавшими два православных храма (церкви Николая Чудотворца и апостолов Петра и Павла) и две часовни. В начале февраля 1930 г. священник Марков поставил в известность районный стол религиозных культов, что у местной общины недостаточно средств, чтобы содержать часовни и Петропавловскую церковь.

Самой устойчивой в городе, как в плане материальных ресурсов, так и морального состояния прихожан, оставалась церковь Александра Невского на Корабельной стороне. В связи с этим ожидалось, что соответствующая «двадцатка» сможет пройти перерегистрацию без особых осложнений, а власти в большей степени надеялись на то, что храм удастся закрыть благодаря инспирированным «массовым требованиям» трудящихся, для чего создавался необходимый информационно-психологический фон. В частности, к началу 1930 г.

уже были организованы соответствующие выступления рабочих нескольких цехов и подразделений Морского завода, коллектива особого отдела ГПУ, морского госпиталя, жителей района. Кроме того, Страховая касса города предъявила церковному совету иск о погашении задолженности на 2000 рублей, что также рассматривалось как фактор, который мог способствовать отказу общины от аренды храма [Там же, л. 256].

Аналогичным образом власти действовали в отношении церкви во имя Христа Спасителя (ул. Восставших) при городской больнице, который в свое время был построен на средства городского головы А. А. Максимова. Для принятия окончательного решения о закрытии культового здания считалось необходимым обработать в пропагандистском плане население микрорайона, чтобы создать видимость единодушного мнения горожан о целесообразности его ликвидации.

В отношении Владимирского собора (Городской холм) функционеры исполнительной власти также рассчитывали на морально-психологическое и финансовое давление на причт храма. В частности, Страховая касса Севастополя планировала предъявить претензии церковному совету («двадцатке») по поводу отсутствия взносов на протяжении нескольких лет на страхование певчих и сторожей на общую сумму 1800 рублей. В связи с этим прогнозировался отказ общины от перерегистрации, так как, по оценке чиновников районного исполкома, верующие и духовенство прихода, видя неизбежную ликвидацию церквей, относились к этому практически безразлично. Подобная характеристика считалась актуальной и в отношении причта Петропавловской церкви (Городском холм).

Приход караимской кенассы (ул. Карла Маркса) был стабильным до начала антирелигиозной кампании 1929 г. К концу года в составе группы верующих («двадцатке») осталось только 7 человек, которые подали в административный отдел Севастопольского районного исполкома заявление об отказе арендовать культовое здание.

В отношении Покровского собора (ул. Карла Маркса) считалась возможной актуализация материальных трудностей у церковного совета из-за больших расходов по поводу недавно проведенного ремонта культового здания.

Прихожане церкви Трех Святителей (ул. Щербака) демонстрировали определенную уверенность в способности отстоять свой храм, так как его община исторически формировалась греками города, которые не только оказывали материальную помощь церковному совету, но и обоснованно рассчитывали на политическую поддержку со стороны дипломатического представительства Греции в СССР.

Начальник стола религиозных культов Севастопольского районного исполкома Быков, подводя итоги проделанной работы в феврале 1930 г., сообщал в секретное отделение Севастопольского отдела ГПУ Крыма следующее: *«В связи с проводимой кампанией раскулачивания крестьянства и произведенных арестов кулачества в сельской местности произошли резкие изменения церковной жизни: упало моральное состояние арендаторов церквей, финансовое положение и процент посещаемости церквей верующими»* [Там же, д. 502, л. 254].

Рубеж 1920-1930-х годов стал решающим в плане определения приоритетов и содержания развития государственного-конфессиональных отношений в СССР на период вплоть до начала Великой Отечественной войны. Партийно-государственное руководство окончательно взяло курс на ликвидацию всех организационных форм существования конфессиональных общин и искоренения религиозного мировоззрения среди населения. При этом главными методами его реализации стали усиление административно-полицейского давления, репрессии против духовенства и активных верующих, вульгарная атеистическая пропаганда.

По данным агитационно-пропагандистского альбома «Севастополь в третьем году пятилетки», на территории региона в течение 1920-1931 гг. было ликвидировано по так называемому ходатайству трудящихся 32 культовых здания и 11 молитвенных помещений (27 церквей, 1 мечеть, 1 синагога). Из них под клубы и школы было передано 22, без переоборудования помещений занято 9 и 5 снесено. При этом в городе уже функционировало 135 ячеек (58 производственных) СВБ с 8000 членов, 70% которых приходилось на рабочих [24, с. 68-69].

Накануне празднования 15-й годовщины установления советской власти в Крыму в республике были организованы сбор и обобщение информации о результатах проведения конфессиональной политики за весь период советизации полуострова. Севастопольский городской исполком (статус районного был изменен в октябре 1930 г.) предоставил в сентябре 1935 г. в КрымЦИК данные о том, что в указанный период на территории региона было ликвидировано 29 православных храмов и 5 часовен, 3 синагоги (1 крымчакская, 2 еврейские), 1 караимская кенасса, 1 лютеранская кирха, 1 армяно-григорианская церковь, 1 молитвенный дом. При этом оставались действовавшими 3 православные церкви, 1 мечеть, 1 синагога, 1 костел, 1 молитвенный дом евангелистов. Бывшие культовые здания использовались под клубы, красные уголки, а закрытый в 1930 г. городской Покровский собор – под зернохранилище [13, д. 46, л. 101-103].

В Балаклавском районе (в октябре 1930 г. был выделен из состава Севастопольского района как самостоятельная административно-территориальная единица) в декабре 1934 г. еще числились формально действовавшими 3 мечети (деревни Ай-Тодор – 1, Старые Шули – 2), «двадцатки» которых были на грани организационного распада, и 3 православные церкви в Балаклаве. В сентябре 1935 г. Балаклавский районный исполком сообщал в КрымЦИК, что на территории района осталось только 2 православных храма (деревня Скеля и Балаклава). В течение 1920-1935 гг. было закрыто 26 мечетей, 4 православные церкви, 4 культовых здания других конфессий, помещения которых использовались под культурные учреждения (клубы, избы читальни), амбары (6), колхозные склады (15) или находились в разрушенном состоянии (6) [Там же, л. 22, 24].

Во второй половине 1936 г. в Балаклавском районе оставалась действовавшей только греческая церковь Николая Чудотворца. 19 сентября 1936 г. по согласованию с Постоянной комиссией по вопросам культов

при КрымЦИК местный районный совет принял постановление закрыть храм и использовать его здание под школьный клуб. Это решение было утверждено Президиумом КрымЦИК 20 декабря 1937 г. Однако прокурор Балаклавского района Измаилов обнаружил в этих действиях грубые нарушения нормативно-правовых актов, регламентировавших ликвидацию культовых зданий, и опротестовал соответствующее постановление [15, д. 198, л. 5, 20, 56-57, 59-60]. Это был редкий случай для 1930-х гг., когда прокуратура старалась выполнять свои обязанности без оглядки на политическую конъюнктуру, игнорируя в данном случае общие антицерковные и антирелигиозные установки, которые исходили от партийных и государственных органов.

В свою очередь, приходская община во главе со священником В. С. Сорокиным попыталась использовать благоприятное стечение обстоятельств, чтобы отстоять свое право на храм. 4 января 1937 г. церковный совет направил в адрес ВЦИК жалобу на действия Балаклавского районного совета с просьбой решить вопрос в пользу последней оставшейся в Балаклаве греческой религиозной общины. Показателен текст одной из телеграмм, которая была направлена 26 января 1937 г. по этому поводу в высшие государственные инстанции: *«МОСКВА КРЕМЛЬ Т КАЛИНИНУ МИХАИЛУ ИВАНОВИЧУ ПРОСИМ ОКАЗАТЬ СОДЕЙСТВИЕ ОТКРЫТИЮ ЕДИНСТВЕННОЙ В РАЙОНЕ Г БАЛАКЛАВЕ ГРЕЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ КОРЕННОЕ НАСЕЛЕНИЕ ГРЕКИ НАДЕЖДА НА ВАС И ВЕРУ В СТАЛИНСКУЮ КОНСТИТУЦИЮ БОГОСЛУЖЕНИЕ ЗАПРЕЩЕНО ОБЩИНА ВЕРУЮЩИХ»* [Там же, л. 1].

Проблемная ситуация такого плана относилась к сфере компетенции Постоянной комиссии по рассмотрению культовых вопросов при Президиуме ЦИК СССР, которая должна была разбирать жалобы на действия ЦИК автономных республик. Однако данная структура была такой же частью аппарата по проведению в жизнь актуальных установок государственной конфессиональной политики, как и органы региональной власти в Крымской АССР. 10 сентября 1937 г. вопрос о балаклавской церкви был вынесен на обсуждение Президиума ВЦИК, который принял предсказуемое решение: *«Постановление Президиума ЦИКа КрАССР утвердить, договор расторгнуть»* [Там же, л. 3].

Сохранившиеся в Крыму в условиях беспрецедентного административного давления единичные религиозные общины продолжали оставаться объектом для уничтожения со стороны советского государства, которое в условиях своего укрепления в конце 1930-х гг. стремилось довести этот процесс до логического завершения. В 1936 г. в Севастополе был закрыт костел Св. Климента, а его ксендз арестован. В 1938 г. ликвидирована последняя действовавшая в регионе городская мечеть Ак-Къяр, арестованный за год до этого ее первый имам Ю. И. Рахимов был приговорен к расстрелу за контрреволюционную деятельность и шпионаж в пользу Турции (реабилитирован в 1957 г.) [25].

В сентябре 1938 г. Севастопольский городской исполком в очередной раз предоставил в Президиум КрымЦИК информацию о состоянии решения религиозного вопроса на региональном уровне. В частности, на территории города оставалось только 2 действовавших храма: церковь Всех Святых (городское кладбище) с единственным священнослужителем В. Д. Бреневым и Солдатская еврейская синагога (ул. Дроздова) [13, д. 90, л. 74].

Причина трагедии, которая произошла с религиозными конфессиями Крыма, верующими и духовенством, была лаконично, но очень точно сформулирована в одном из отчетных документов Ялтинского городского совета в январе 1939 г.: *«...что касается мечетей, синагог и др. молитвенных домов, то таковых в г. Ялта не имеется. Служители религиозных культов были репрессированы органами НКВД за контрреволюционную деятельность, а также церковные двадцатки»* [Там же, л. 82].

Сложившаяся ситуация была, прежде всего, результатом последовательной политики советского партийно-государственного руководства, направленной на уничтожение конфессиональных организаций и полное искоренение религии. В 1939 г. информационно-статистическая группа Президиума Верховного Совета Крымской АССР подготовила справку о численности ликвидированных культовых зданий в Крыму, начиная с 1920 г., которую сопроводила констатацией следующего факта: *«В настоящее время в Крымской АССР, за исключением одной православной церкви в Симферополе действующих церквей нет»* [Там же, д. 46, л. 176].

Таким образом, в середине 1920-х гг. в Крыму, как и в других регионах советского государства, была предпринята попытка наладить на постоянной основе антирелигиозную идеологическую работу, для чего привлекались силы партийного и комсомольского аппарата, различные общественные и хозяйственные структуры, формировалась в масштабах республики сеть ячеек Союза воинствующих безбожников. При этом религиозные организации находились в полной зависимости от органов исполнительной власти и милиции, подвергавших их деятельность тщательному административно-полицейскому контролю и регламентации.

Отсутствие материальной базы, подготовленных идеологических работников, соответствующих информационно-методических материалов обусловило главным направлением антикультовой работы в Крымской АССР проведение вульгарной атеистической пропаганды. Антирелигиозные мероприятия в республике осуществлялись с применением грубых оскорбительных методов воздействия на духовенство и верующих, что вызывало рост антисоветских настроений среди населения. Властные структуры республики относили эти факты к перегибам в проведении борьбы с религией, возлагая ответственность за происходившие инциденты на местных работников, отдельных коммунистов и комсомольцев. Фактически они сами инспирировали использование соответствующих форм и методов, оскорблявших чувства верующих.

Советское партийно-государственное руководство в конце 1920-х гг. пришло к выводу о невозможности нейтрализовать влияние религиозных культов на общество в короткие сроки при помощи средств агитации и пропаганды, а также неспособности добиться существенного ослабления позиций традиционных для народов России конфессий. Вследствие этого в период проведения сплошной коллективизации сельского хозяйства в очередной раз поменялась тактика решения религиозного вопроса: произошло усиление административного давления на конфессиональные организации, начались широкие репрессии против

духовенства и активных верующих, что привело к ликвидации традиционной структуры религиозных общин Крыма и Севастополя в конце 1930-х гг.

Список источников

1. **Антирелигиозник**. 1927. № 10.
2. **Белоглазов Р. М.** Політика радянської влади щодо релігійних конфесій у 1920-ті рр. (за матеріалами Кримської АССР): автореф. дисс. ... к. іст. н. Х., 2002. 19 с.
3. **Белоглазов Р. Н.** Административно-правовое регулирование деятельности религиозных организаций в Крымской АССР в середине 1920-х гг. // Проблемы науки. 2015. № 1. С. 46-50.
4. **Белоглазов Р. Н.** Административно-правовое регулирование деятельности сектантских общин в середине 1920-х годов (по материалам Крымской АССР) // Достижения науки и образования. 2016. № 6. С. 32-37.
5. **Белоглазов Р. Н.** Нормативно-правовая база функционирования мусульманских конфессиональных школ в Крымской АССР в 1920-е годы // Достижения науки и образования. 2016. № 6. С. 28-32.
6. **Белоглазов Р. Н.** Отношение органов власти Крымской АССР к мусульманскому населению в период новой экономической политики (1923-1927 гг.) // Историческое наследие Крыма: сборник статей. 2017. № 28. С. 226-230.
7. **Бойцова Е. Е.** Деятельность мусульманских общин Севастопольского района в 1920-х годах // Культура народов Причерноморья. 2004. № 48. С. 42-49.
8. **Государственное казенное учреждение «Архив города Севастополя»** (ГКУ «АГС»). Ф. Р-79. Оп. 1.
9. **ГКУ «АГС»**. Ф. Р-420. Оп. 1.
10. **Государственный архив Республики Крым** (ГА РК). Ф. П-1. Оп. 1.
11. **ГА РК**. Ф. П-33. Оп. 1.
12. **ГА РК**. Ф. Р-663. Оп. 10.
13. **ГА РК**. Ф. Р-663. Оп. 18.
14. **ГА РК**. Ф. Р-1100. Оп. 1.
15. **Государственный архив Российской Федерации**. Р-5263. Оп. 1.
16. **Змерзлый Б. В.** Політика радянської держави щодо Російської Православної Церкви у Криму в 1921-1929 роках: автореф. дисс. ... к. іст. н. К., 2001. 18 с.
17. **Катунин Ю. А.** Православие Крыма в 1917-1939 годах: проблема взаимоотношений с государством. Симферополь: Ната, 2001. 416 с.
18. **Красный Крым**. 1928. № 89.
19. **Маяк коммуны**. 1925. № 41.
20. **Никитина И. В.** Административно-территориальное преобразование в г. Севастополе в 1920-1930 гг. // Вестник Брянского государственного университета. 2018. № 3. С. 108-113.
21. **О мерах по усилению антирелигиозной работы (Окончательная редакция, принятая комиссией ПБ на основании постановления ПБ от 24 января 1929 г. протокол № 61, п. 4). Приложение № 1 к п. 4 пр. ПБ № 61** [Электронный ресурс]. URL: <http://istmat.info/node/59437> (дата обращения: 02.02.2020).
22. **Осиповский С. Н., Белоглазов Р. Н., Шимберева Е. В.** Отечественная историография взаимоотношений религиозных общин и органов государственной власти на территории Севастопольского региона (1783-2017 гг.) // Манускрипт. 2018. № 11 (97). Ч. 2. С. 211-221.
23. **Рибак І. В.** Політика радянської влади щодо Російської православної церкви в Криму (1917-1941 рр.): автореф. дисс. ... к. іст. н. Черкаси, 2008. 20 с.
24. **Севастополь в третьем году пятилетки** / под ред. С. Константинова. Севастополь: Маяк коммуны, 1931. 117 с.
25. **Севастопольская соборная мечеть (Акъяр Джамии)** [Электронный ресурс]. URL: https://bibliodvorik12.blogspot.com/2016/09/blog-post_4.html (дата обращения: 10.01.2020).
26. **Терещук Н. М.** Отношения органов Советской власти с еврейскими религиозными организациями г. Севастополя в 1920-е – начале 1930-х гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://judaica.kiev.ua/old/Conference/Conf2003/32.htm> (дата обращения: 09.07.2018).
27. **Фесенко А. А.** Политика органов государственной власти в отношении мусульманских общин г. Севастополя в 20-30-е годы XX столетия // Севастополь: взгляд в прошлое: сб. науч. статей сотрудников Государственного архива г. Севастополя / сост. В. В. Крестьянников. Севастополь: Максим, 2006. С. 235-237.
28. **Хайрулдинова Э. М.** Особенности взаимоотношений советской власти и мусульман в Крымской АССР (начало 20-х – конец 30-х гг. XX века) // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2011. Т. 24 (63). № 2. Спецвыпуск «История Украины». С. 134-139.

Administrative and Ideological Influence of Power Bodies on Sevastopol Religious Communities (the Middle of the 1920-1930s)

Beloglazov Roman Nikolaevich, Ph. D. in History
Osipovskii Semen Nikolaevich, Ph. D. in Political Sciences, Associate Professor
Sevastopol State University
belovr73@mail.ru; simosip@gmail.com

For the first time in domestic historiography, the article examines evolution of the Soviet policy towards Sevastopol religious communities in the middle of the 1920-1930s in the context of its basic trends: administrative and ideological. It is shown that in the period of New Economic Policy, attempts were made to spread ideological anti-religious propaganda that failed to achieve its purpose. When New Economic Policy was abandoned, administrative pressure on the laymen and the clergy increased. As a result, the regional structures of all confessions were liquidated over the 1930s.

Key words and phrases: Sevastopol; anti-religious agitation and propagation; religious communities; collectivization; dispossession of kulaks.